

БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

О.И. Пушкина

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Одновременно с принятием христианства в культуру восточных славян был привнесен и широко распространен новый женский образ – образ Богородицы. Несмотря на это, он быстро занял одно из ведущих мест в традиционной культуре восточных славян. Об особом отношении к Богородице свидетельствует количество и значимость праздников, посвященных ей. Благовещение Пресвятой Богородицы (07 апреля) – один из 12 Великих двенадесятих праздников православных. На наш взгляд, относительно быстрому включению нового образа в мифо-религиозную картину восточных славян способствовало функциональное тождество образа Богородицы и архаического образа Матери – Сырой Земли. Целью работы будет исследование специфики взаимовлияния языческих и православных верований, нашедших отражение в праздновании Благовещения.

Материал и методы. Материалом исследования являются этнографические тексты, а также обряды и ритуалы XIX-XX веков. В работе использованы общенаучные методы, а также системный и компаративный методы исследования.

Результаты и их обсуждение. В народной традиции Благовещение представлялось праздником, связанным с окончанием зимы, приходом весны. Существовавшие запреты на выполнение практически любой работы, особенно связанной с обработкой земли, подчеркивали его значимость. Весной, когда по представлению славян Земля вступает в брачный союз с небом, крестьяне несколько дней не производили никаких земляных работ: не пахали, не бороили, не рыли земли и не втыкали колья, и даже мельчайшая работа была запрещена [5, С.552–553]. До сих пор во многих регионах Беларуси сохраняется традиция «не трогать» землю до Благовещения [1, С. 41–42; 11, С.58]. Т.А. Агапкина отмечала, что данный запрет имеет мифологическое толкование, восходящее к представлению о годовом цикле земли, согласно которому, зимой земля «закрыта» и/или «спит» до пробуждения на Благовещение [1, С. 42]. Обряды выхода хозяина в поле в день Благовещения, зафиксированные А. Сержпутовским [9, С.96–97, № 1044], Л.И. Минько [6, С.104], свидетельствуют о сохранении в сознании народа сакрального отношения к Матери – Сырой Земле. Также они содержат древнейшие представления о сущности Матери-Сырой Земли как о некоем первоначале, включающем в себя, подобно яйцу, разнородные стихии земли и воды, содержащем весь творческий потенциал бытия, из которого происходит творение всего мира.

По подсчетам советского исследователя В.Г. Власова, Благовещение могло совпадать с днем весеннего равноденствия [3, С.34–35]. Задолго до него подобной точки зрения придерживался и русский мыслитель П.А. Флоренский, который писал, что праздник Благовещения, космически, – праздник весеннего равноденствия, т.к. во II в. он праздновался 24 марта по старому стилю, т.е. был праздником весны. «И, как в момент весеннего равноденствия заключена, как бы в зерне, вся полнота космического года, так же и в праздник Благовещения Пресвятой Девы содержится, как в бутоне, вся полнота церковного года. А далее, и космический год и церковный год – это образы года онтологического, – года или полноты времен и сроков всей мировой истории. Вся мировая история содержится в Деве Марии; а Дева Мария вся выражается в моменте Благовещения» [11, С. 543]. Эти мысли П.А. Флоренского явно перекликаются с верованиями восточных славян, зафиксированными А.Н. Афанасьевым: «Мысль о благословенном плоде чрева

Богоматери в народных представлениях сливалась с мыслью о весенних родах матери-Земли» [2, С. 470].

Семантика начала, рождения и плодородия Богородицы и Матери – Сырой Земли отражена в ряде народных обрядов и ритуалов. Накануне Благовещения сжигали соломенные постели, белье больных, прыгали через огонь, чтобы очиститься от нечистой силы и болезней [2, С. 469]. В день Благовещения нельзя было начинать важные дела [4, С. 117–118]. Иконы Богородицы ставились в (или на) кадки с зерном, оставленным на семена, которые освящал приходивший священник [2, С. 470; 7, С. 114]. На этот день приходилось много других примет, касающихся будущего урожая, приплода домашнего скота и погоды [5, С. 551–554]. Даже в конце XX в. фиксировались многочисленные запреты, связанные с данным праздником: до Благовещения нельзя было открывать окон, есть на улице, ходить босиком по земле, выгонять скот на улицу. В канун Благовещения и в сам праздник люди не трогали семена, не подкладывали яйца под птицу, не водили скот на случку и сами воздерживались от половых отношений, боясь негативных последствий для потомства. Табуировался также и день недели, на который приходился день Благовещения, поскольку в течение года в этот день нельзя сажать и сеять, т.к. считалось, что ничего из посеянного и посаженного либо не взойдет, либо погибнет [1, С.38–44]. Следующий за ним день считался наиболее благополучным. В отличие от других праздничных дней, которым было свойственно разгульное веселье, для Благовещения было характерно сосредоточенное, молчаливое раздумье, совершенный покой, свобода от дел [5, С. 551–553].

Считаем необходимым акцентировать внимание на том, что целый ряд запретов в этот день были связаны именно с женской работой. Как и более ста лет назад в наше время у восточных славян продолжает существовать вера в то, что на Благовещение «девка косы не плетет, а птица гнезда не вьет». Многие запреты касались прядения и обработки ткани [8, С.49]. До Благовещения нельзя было сушить во дворе белье, основу и пряжу, пересушивать во дворе одежду, т.к. это могли повлечь за собой засуху. По этой же причине в день Благовещения не топили печи, не варили и не пекли; не сновали – чтобы летом «не сновали» тучи; не стирали – чтобы «перуны не били»; не работали с иглами и веретенами – чтобы летом не видеть змей [1, С. 42–44]. День после Благовещения считался последним днем, когда можно было закончить прядения, т.к. по народным представлениям, прядение после этого дня в прок не шло [8, С. 50–51]. В иконографии Благовещения Богородица (особенно в начале становления христианства) часто изображалась с веретеном либо клубком ниток в руках. Атрибутивно наличие веретена/нити позволяет говорить о связи образа Богородицы с более ранними верованиями, архаическими женскими божествами, поскольку нить в руках высшего женского божества традиционно отождествляется с судьбой новорожденного человека.

Заключение. Таким образом, на примере праздника Благовещения мы можем проследить тесную связь и функциональное сходство между образами Богородицы и Матери-Сырой Земли, основной семантической доминантой которых являлась идея начала, рождения и плодородия. Наиболее полно она прослеживается в культурных традициях восточных славян, связанных с аграрной деятельностью и ткачеством.

Список литературы

1. Агапкина, Т.А. Очерки весенней обрядности Полесья / Т.А. Агапкина // Славянский и балканский фольклор / Этнолингвистическое изучение Полесья. – М.: Изд-во «Индрик». - 1995. – С. 21–107.
2. Афанасьев, А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения

- славян на природу: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М.: ЭКСМО, СПб.: TERRA FANTASTICA, 2002. – Т.1 – 800 с.
3. Власов, В.Г. Русский народный календарь / В.Г. Власов // Советская этнография. – 1985. – № 4. – С. 22–36.
 4. Завойко, Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии / Г.К. Завойко // Этнографическое обозрение. – 1914. – № 3–4. – С.81–178.
 5. Максимов, С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила / С.В. Максимов – Смоленск: «Русич», 1995. – 672 с. – С. 552–553
 6. Минько, Л.И. Суеверия и приметы. Истоки и сущность / Л.И. Минько. – Минск.: Изд-во «Наука и техника». – 1975. – 192 с.
 7. Никифоровский, М.Д. Русское язычество / М.Д. Никифоровский. – СПб: [типография духовного журнала «Странник»], 1875. – [2], 125, III с.
 8. Сахаров, И.П. Сказания русского народа: народный календарь / И.П. Сахаров / Обработ. текста и предисл. А.Г. Кишишина. – М.: Сов. Россия, 1990. – 176 с.
 9. Сержпутоўскі, А. Прымхі і забавоны беларусаў-палешукоў / А. Сержпутоўскі. – Менск: Друкарня Беларускай Акадэміі Навук, 1930. – 284 с.
 10. Судник, Т.М. Из полесской тетради 1975 года / Т.М. Судник // Живая старина. – 1997. – № 2. – С. 58–59.
 11. Флоренский, П.А. Собрание сочинений: в 2 т. / П.А. Флоренский // Флоренский П.А.. – Т.1.: Столп и утверждение истины – М.: Изд-во «Правда», 1990 – 840 с.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СИНЕРГЕТИКИ

М.А. Слемнев
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Говорить в современной философской среде на языке известных категорий классической диалектики *противоречие, противоположность, количество, качество, мера, отрицание, необходимость, случайность, возможность, действительность, причина, следствие* и др. стало считаться чуть ли не правилом дурного тона. На смену этим привычным понятиям, которые шлифовались на протяжении более двух тысячелетий, пришли новые: *нарратив, ризома, локус, симулякр, паттерн, кластер, тренд, номадическое распределение* и иные вычурные постмодернистские термины. При чтении работ, написанных в духе ныне модной философской постнеклассики, создается впечатление, что их авторы как бы соревнуются друг с другом в том, кто скажет позамысловатее, вычурнее и, главное, непонятнее. Дело дошло до того, что философы, как резонно замечает Т.И.Адуло, «уже не понимают друг друга» [1, 58]. Но это еще полбеды. Важнее другое: «в глазах других наук такая философия выглядит никому не нужной софистикой» [1, 60]. Разрыв между философией в ее постмодернистском исполнении и методологическими запросами современного научного познания налицо.

Сложилась весьма парадоксальная ситуация. Наука с очередным уникальным открытием, с появлением новых дисциплинарно-организованных и междисциплинарных областей знания подтверждает правоту и эвристичность принципиальных установок материалистической диалектики и по сути разговаривает на ее языке, а нынешняя философия пытается навязать научному мышлению стандарты бесплодного и рационально-релятивистского децентрированного схоластического дискурса. Проиллюстрировать наличие как прямой, так и обратной концептуаль-